

ТЕМНЫЕ

Сборник рассказов

Составитель Парфенов М. С.

Москва
Издательство АСТ

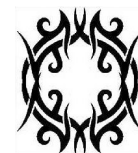
УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т32

Темный жанр

Серия «Темное фэнтези»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

Составитель: *Парфенов М. С.*

В книге использованы иллюстрации *Игоря Авильченко*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Владимира Гусакова*

Т32 **Темные:** сборник рассказов.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 411, [2] с.— (Темное фэнтези).

ISBN 978-5-17-093315-0

«Самая страшная книга» рекомендует!

Добро пожаловать в царство тьмы. В этих краях под масками героев скрывают уродливые лица коварные злодеи, здесь обитают черные маги и кровожадные демоны, и любой, даже очень осторожный, шаг таит смертельную опасность.

Добро пожаловать в царство тьмы. Антология «Темные» — это собрание мрачных и жутких историй в жанрах dark fantasy, городского фэнтези, магреализма и хоррора, которые никого не оставят равнодушными.

Добро пожаловать в царство тьмы. Антология «Темные» — это произведения от авторов, получивших известность благодаря проекту «Самая страшная книга», и от составителя Парфенова М. С., создателя бестселлеров «13 маньяков» и «Хеллоуин».

Добро пожаловать в царство тьмы. Здесь тебя встретят как своего...

Подписано в печать 18.12.15.

Формат 84 × 108¹/₃₂. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Авторы, текст, 2015
© Владимир Гусаков, обложка, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Прежде чем ты, Читатель, шагнешь под мрачные своды полуразрушенного готического собора, прежде чем под твоей стопой хрустнет первый череп из груды сваленных здесь останков,— позволь сказать тебе несколько слов в качестве напутствия. Присядь на минутку, да хоть бы и тут, у этого древнего алтаря, покрытого странными бурями пятнами. Кажется, к стенке престола прилип кусок чьего-то скальпа... но неважно, неважно! Поговорим о темноте и таящихся в ней ужасах. О том, что тебе предстоит отыскать здесь, среди затянутых паутиной костей.

Я не знаю, кто первым назвал это «темный жанр». Но я могу сказать тебе, что около десяти лет тому назад несколько начинающих авторов решили организовать литературное сообщество, которое, после недолгих обсуждений, они нарекли «Тьма»¹. Среди этих рыцарей обгаренного кровью стола был и ваш покорный слуга, ныне выступающий как составитель антологий (преимущественно

¹ <http://darfiction.ru> — официальный сайт ЛoT, где можно больше узнать об этом сообществе.

в жанре ужасов и мистики) и немного писатель. Были среди них и автор повести «Бабай» Борис Левандовский, переводчик и писатель Владислав Женеvский, сценарист Александр Вангард, писатели Андрей Сенников, Фотина Морозова, Александр Подольский и другие. И уже тогда, десять лет назад, мы все — каждый и каждая — понимали, что объединяет нас именно любовь к темному жанру.

Сначала это понимание было интуитивным, на каком-то подсознательном уровне. Знаешь, как бывает, когда ты находишься один в комнате и нутром чувствуешь, что туда зашел кто-то еще, а только потом, обернувшись, видишь гостя. Вот так и мы, прежде чем созрело само понимание, уже знали «про себя», внутренне, что такое «темный жанр». Дать же некое подобие определения этому жанру удалось уже позднее.

Сколько людей, столько и мнений. Каждый видит окружающий мир и себя в нем по-своему — я убеждаюсь в этом всякий раз, когда читаю отзывы на очередную нашу книгу. Одно и то же произведение один читатель называет «шедевром», а другой намекает, что в сборник оно попало благодаря «мохнатой лапе». И даже среди писателей (а может, вовсе и не «даже», а «тем более» среди них!) сложно найти двух людей с общими взглядами на литературу. Спорить о жанрах можно вообще бесконечно, и все равно для одних «Чужой» останется фантастикой, а для других (и если тебе это интересно знать, то я в их лагере) это фильм ужасов, для одних хоррор — подвид НФ (глупость какая, но многие так считают), а для других — часть большого жанра фэнтези.

Говоря о последних — подобное мнение (что horror — это fantasy) довольно широко распространено на Западе, у наших зарубежных коллег. И творчество столь разных, но одинаково одаренных людей, как Говард Филлипс Лавкрафт, Лорд Дансейни, Нил Гейман или, допустим, Гильермо Дель Торо помогает в это поверить. Однако же надо понимать, что под fantasy («фантази», как называет это одна моя коллега-писательница, что, по правде сказать, всякий раз вызывает у меня улыбку) западные авторы понимают нечто большее, нежели только классические его разновидности, истории меча и магии или эпические саги в духе профессора Толкина. Скорее, они ведут речь о некоем едином подходе к творчеству как к полету фантазии, не ограниченному научными познаниями автора.

Чем же в таком случае является темный жанр? Как мы его понимаем, это литература (а также кино и прочие виды искусства), где находит отражение то, что можно назвать темной стороной бытия.

Это хоррор, ужасы. Потому что они пугают, а страх — суть темная эмоция. Это dark, темное фэнтези, потому что в центре его всякий раз оказываются всевозможные темные личности, нередко злодеи и монстры. Это готика — просто потому, что готика. Городское фэнтези, мистика и, нередко, так называемый магреализм — потому как в произведениях этих жанров сталкиваются и сближаются два мира: реальный и сверхъестественный, темный. Это триллеры о маньяках и фантастика о космических тайнах, потому что нет ничего темнее человеческого сердца, а встреча с неизведанным —

это всегда нырок во тьму. Это модный в последнее время weird, «странная литература», корнями уходящий к американскому журналу *Weird Tales*, в котором в прошлом веке публиковали свои рассказы Лавкрафт, Говард, Лейбер и многие другие классики, причем фэнтези-истории прекрасно уживались на страницах этого издания с рассказами ужасов.

Так видим темный жанр мы, люди, создавшие Литературное общество «Тьма», вебзин с не менее говорящим названием *DARKER*¹, книжную серию «Самая страшная книга»² и много чего еще разного, но определенно очень, очень темного.

Понимаю, что ты, возможно, видишь этот жанр несколько иначе. У тьмы оттенков куда больше, чем у безликого серого, опошленного перезревшими графоманами. Надеюсь, ты найдешь в этой книге свое и не отвергнешь чужое. Для твоего удобства и безопасности мы будем ступать по залам этого заброшенного храма тьмы осторожно. Поначалу с оглядкой в прошлое – первую часть антологии я назвал «Темная традиция», потому что собранные тут рассказы в большей или меньшей степени можно отнести к той или иной широко известной разновидности фэнтези: героического («Кровь твоего сердца» вашего покорного слуги), темного («Завтрак для Джека» В. Кузнецова, «Эффект дефекта» А. Провоторова), городского («Памятка юного

¹ <http://darkermagazine.ru> – новый номер этого бесплатного электронного журнала выходит каждый месяц двенадцать раз в год... и так уже несколько лет.

² <http://horrorbook.ru> – загляни сюда, чтобы узнать о наших книгах, уже изданных или только планирующихся к изданию.

бродяжки» О. Кожина). В этих историях авторы подчас творят миры. Дальше, когда ты пройдешь испытание их мирами, мы с тобой заглянем туда, где царит тьма безраздельная и где тебя будет ждать нечто «темнее темного» – необычные тексты, устремленные в прошлое («Упырь» М. Кабира, «Дюнан» А. Жаркова и Д. Костюкевича), в дальние страны («И пришел дракон» А. Подольского, «Человек из храма Белой Цапли» Д. Гужвенко) или далекие для большинства обычаи и верования («Легкий пар» М. Шурыгиной), вещи подчас экспериментальные, необычные, выходящие за рамки («Мед» В. Женева, «Куш» Р. Газизова).

Этой книгой издательство АСТ и обожаемая мной редакция «Астрель» начинают новую серию мрачного, темного фэнтези. Подвиг их на это, насколько мне известно, неожиданный успех русского хоррор-проекта «Самая страшная книга». Потому и открывать эту серию выпало мне и моим собратьям и сосестрам во тьме. И кто знает, Читатель, быть может, в будущем ты еще не раз встретишься в иных томах этой новой серии с кем-то из авторов этой книги. Ведь темное манит и нас тоже...

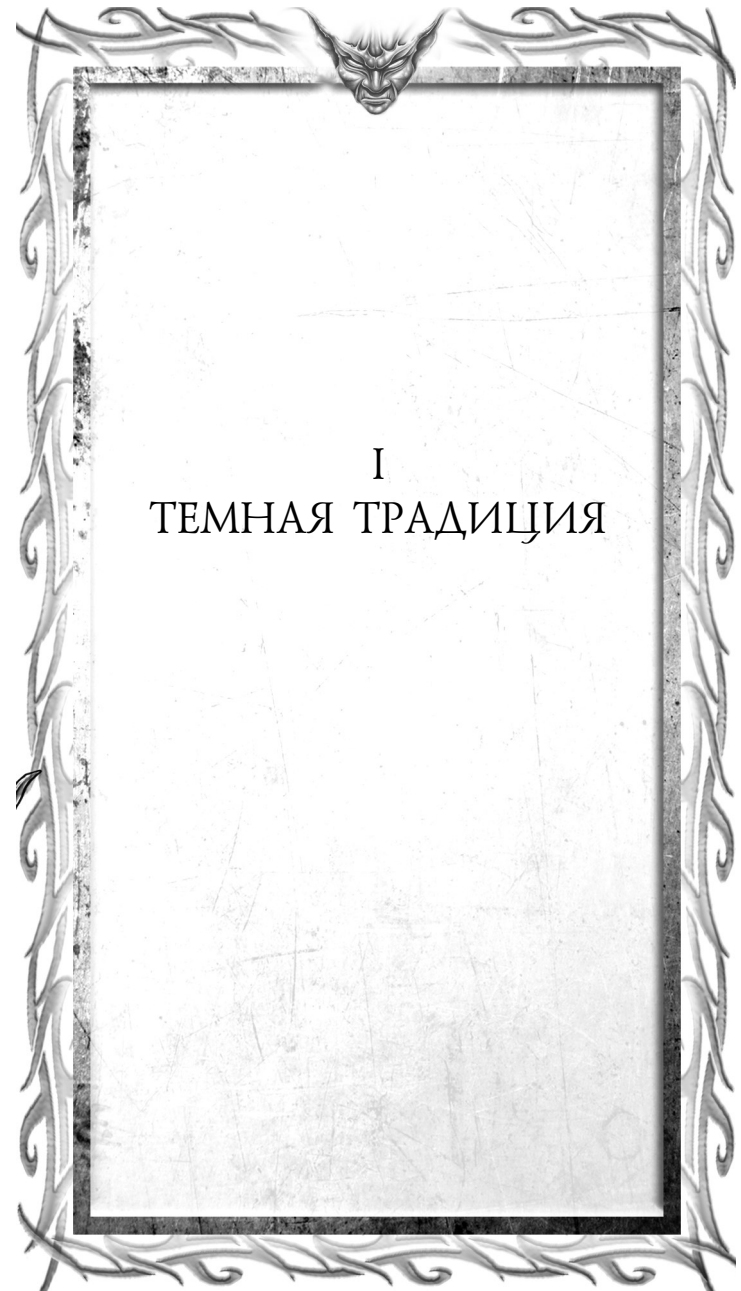
И пусть впереди тебя ждут мрак и ужас – мы все равно желаем тебе доброго пути.

Парфенов М. С., составитель

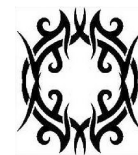
P. S. Когда над этой книгой уже работали корректоры издательства, пришла печальная весть: скончался от рака один из самых талантливых авторов молодой «темной волны» русской литературы. Владислав Женева, автор рассказа «Мед» и других

ТЕМНЫЕ

прекрасных историй, писатель, поэт, переводчик, редактор, рецензент, библиограф. Ему было всего 30 лет. Он беззаветно, всем сердцем любил темный жанр. Идя коридорами этого мрачного собора, Читатель, вспомни добрым словом Владислава Александровича, ведь люди живы, пока жива память о них,— а Влад Женевский, прекрасный Человек и замечательный Друг, достоин жизни вечной.

Парфенов М. С.
КРОВЬ ТВОЕГО СЕРДЦА

– Еще одна крепость взята,– фыркнул гвардеец, утирая седые усы, длинные концы которых спускались по обе стороны массивного подбородка.– Штурм был стремителен и неотвратим, но без потерь не обошлось.

Понурился, гигант с грустью похлопал мозолистой ладонью притороченный к поясу кошель – тот изрядно истощал за вечер – и отпихнул пустой ковш на край заплывающего дощатого стола в компанию к двум другим давно уже опорожненным кувшинам. Раздраженный, он вдобавок лениво пнул тяжелым сапогом ножку стола, и глиняная посуда отозвалась испуганным перезвоном.

«Вот это и есть настоящая магия,– проплыла в затуманенном сознании ленивая, как обожравшийся морских змей кракен, мысль.– Золото мгновенно превращается в выпивку, стоит вспомнить лишь одно короткое заклинание: „Хозяин, наливай!“»

– Эй, Бурт! – Трактирщик словно по щелчку пальцев возник рядом. Может, старый хрыч и правда имел сношения с нечистой силой?..– Тебе, помоему, уже хватит! Земля не выдержит столь большую и тяжелую бочку вина, как ты. А если еще

добавишь, то уж точно провалишься напрямик Шугубу в пасть!

Коренастый владелец трактира стоя был лишь на пару ногтей выше развалившегося на низкой деревянной скамейке солдата. Рассчитана скамья была по меньшей мере под три задницы, но Бурт с трудом на ней умещался.

— Твоя правда, гадский идол! — От подобного грому голоса колыхнулось пламя висящих под потолком светильников. Солдат медленно приподнялся, оторвав лучшую свою часть от жесткого сиденья. Высоченный, Бурт едва-едва не задевал бритой до блеска макушкой те самые светильники.— Старый, ты за дурака-то меня не держи,— заворчал он, будто серый медведь, пробужденный от спячки неопытным охотником.— Мне пора б уходить еще с час назад, но ты жда-ал... Ждал, пока я не выложу все свои кровные за твою проклятую кислятину!

— Не сердись, приятель. Вино совсем неплохое,— хозяин дружески похлопал гиганта по спине — чуть выше пояса, куда только и мог дотянуться.

Шугуб! Когда кольчуга успела стать такой тяжелой? Бормоча ругательства, Бурт подобрал со стола меч и направился к выходу, медленно переставляя непослушные ноги. Возле дверей он вдруг остановился и, положив громадную руку на плечо провожающего, наклонился, приблизил изорванное шрамами лицо к пухлой роже трактирщика:

— Слушай, толстяк! Я наемник, как и сотни других, ты знаешь. Мы — солдаты разной веры, из разных стран. Среди нас есть даже иджийцы, крашенные собаки, разрисованные не хуже здешних танцовщиц... Но мы храбры. Мы верны своему гос-

подину, вашему царю Карсе. Ты не найдешь среди нас людей слабых ни духом, ни сердцем. Мы готовы пойти за своим властелином на смерть. И мы делаем это, едва ли не каждый день гуляя по краю Тартара. Оберегаем таких, как ты, от... э, как их? А!.. от внеш-них врагов! Приунгм... Шугуб! При-умно-жа-ем мощь и богатство страны в завоет... зава... вательных походах... Помни об этом, старый! И вы все — запомните! — Мутными глазами Бурт обвел заведение и его немногочисленных, притихших по углам посетителей.— Среди моих братьев, воинов гвардии Карсы, нет трусов! Мы не дезертиры, слышите?! Да, кто-то уходит безвозвратно. Исчезает в этом дрянном городе... но я знал их! То были достойные бойцы и верные друзья. И я сам вырву поганый язык тому сплетнику, кто болтает тут и там про дезертиров из гвардии!

...Есть много причин, из-за которых солдат может исчезнуть,— продолжал Бурт сбивчивую речь. Трактирщик и остальные застыли, переводя взгляды с гвардейца на его меч, устрашающего вида оружие палача с двуручной рукоятью, что в великанской ладони скорее смахивал на зубочистку.— Больше, чем кудрей в волосах богини Майяны Светлой! Его могут предательски убить, отравить пойлом вроде здешнего, подлая шлюха способна ослепить воина из ревности, пока он спит. Или ради звонкой монеты! Пропадают ведь не только наемники, но и их премии, полученные за верную — слышите?! вер-ную! — службу. Вы все должны уважать нас... за наше мужество... За наш риск...

Бурт замолк, не в силах подобрать нужных слов, чтобы закончить, тем паче что уже и не помнил, с чего начал и зачем вообще взялся ораторствовать.

Выдавать столь пламенные речи не входило в его привычки.

— И за вашу сталь! — добавил кто-то. — И за язык без костей!

В кабаке опасливо засмеялись, видя, что гвардеец одной ногой уже стоит за порогом.

— Ступай, долговязый, ступай... В другой раз налью тебе кружку бесплатно, в честь твоих подвигов, — с улыбкой проводил Бурта трактирщик.

— Попробуй только не налей, бесеныш, и я разнесу этот поганый гадючник в пух и прах, — буркнул гигант, с трудом удержавшись на ногах, когда дверь за ним захлопнулась.

Он не сказал в кабаке того, о чем в отрядах наемников говорили в последнее время многие: что где-то в трущобах славной столицы прекрасного Корваштана завелась Змея. Ночная кобра, невзлюбившая почему-то солдат-чужеземцев. Все эти исчезновения не могли быть случайными.

Подняв глаза к вывеске, Бурт увидел, что трактир назывался «Тигриный коготь». А ведь начинал он этот вечер в «Ястребе Корваштана». Затем были еще «Огненная дрянь», «Семь пьяных обезьян», «Рыцарь-выпивоха» и, один Шугуб знает, сколько еще кабаков и притонов. Жалованье за месяц расплескалось в зланных местах быстрее, чем вино из разбитого кувшина растекается по столу. Покачиваясь, точно рыбацкая лодка на волнах в непогоду, гвардеец медленно побрел от горящих неверным огнем окон и малоприметной в ночном сумраке вывески по Дубовой Аллее в сторону площади Царя Корваша. Там он уже около года снимал комнату,

где его ждала знойная мулатка Залев, очень даже ласково относящаяся к чужакам вроде Бурта.

Свет обновленной луны брызгами серебра струился сквозь нависшие над дорогой кроны, освещая пьяному наемнику путь.

Вслед за ним из кабака тихо скользнули две тени в темных плащах с капюшонами, скрывающими лица. Быстро и молча проследовали они за гвардейцем. В сумраке аллеи, уже на довольно приличном расстоянии от всякого живого, бодрствующего в эту ночь угла, неизвестные догнали Бурта. В руках одного из них, богатырского телосложения которого легкий плащ не мог скрыть, появилась дубина с обмотанным тряпкой ударным концом — чтобы оглушать, а не убивать. Другой — хрупкого вида низкорослый мозгляк — обошел гиганта стороной и, уловив момент, возник перед ним будто из ниоткуда.

— Эй, длинный, гляди-ка сюда!

— Что-о? Да я тебя узнаю, парень, ты был в ка... — Отвлечшись на наглеца, Бурт пропустил удар сзади. Услышал свист рассекаемого дубиной воздуха, начал было разворачиваться, а затем в голове у него вспыхнула ослепительно-яркая, обжигающая звезда. Миг — и настала тьма.

— Хорошо сработано, — похвалил маленький человек обладателя дубинки, подхватив повалившегося Бурта под мышки. При этом сам низкорослый едва не рухнул под тяжестью огромного тела.

— А то!..

Из ближайшего проулка тихо выкатила крытая повозка о двух лошадях, управляемая кучером в таком же плаще с капюшоном, что и у подельников. Переругиваясь вполголоса касательно веса Буртова тела, злоумышленники погрузили его в повозку,

Алексей Провоторов
ЭФФЕКТ ДЕФЕКТА

Станция подземки была заброшена, стенки тоннеля заплели корни; рельсы тускнели и уходили в темноту, словно в никуда, терялись под слоем темных листьев, которые намело за многие годы через сорванные двери наверху. Казалось, если пойти по рельсам вперед, то навсегда потеряешься в каком-нибудь другом мире.

Впрочем, путь вверх по лестнице обещал почти то же самое. Эти края сильно отличались от города.

Листья лежали на ступенях, на плитах пола, и на многолетних слоях светлела россыпь свежего листопада. А может, это и правда падал сверху лунный или еще какой свет.

Было холодно и сыро; каменный свод тоннеля покрывала изморозь, и рельсы казались от нее матовыми. На стенах чернели замшелые полосы — весной здесь высоко поднималась талая вода. Но она так и не вымыла запах креозота. Запах гари тоже никуда не ушел; впрочем, он был слабым и почти незаметным — еще один призрак этого места, не более.

Звери спускались сюда, как к себе домой, и не все следы можно было узнать. Змеи водились здесь в изобилии. Часто они сползались на лестницу, иногда забирались на старые, позеленевшие медные люстры.

Алексей Провоторов. ЭФФЕКТ ДЕФЕКТА

Но сейчас стояла осень, и змеи уже спали. Свет фонаря за спинами двух мужчин не мог их потревожить. Впрочем, большая часть лучей света упиралась в плащи и широкополые шляпы, не достигая ни перрона, ни подножия лестницы. Холодные непрозрачные тени валились вперед. Но сверху от невидимого входа все же падал какой-то свет, и он становился тем заметнее, чем больше глаза стоящих в тоннеле привыкали к темноте.

Свет был чуть розоватый и голубой. Не луна так светила над одичавшим парком, не луна мигала где-то вверху, как газовая вывеска, заставляя пятна чуть плавать по недвижным очертаниям стьлой, брошенной станции.

— А правду говорят? — спросил наказатель, поставив ногу в кожаном сапоге на заиндевевший рельс, и кивнул наверх, в озаряемую мягким вспышками тьму. Тускло блеснули его очки.

— Ну так, — неопределенно согласился его собеседник, выпуская поводья лошади. В спину приехавшим по тоннелю светил желтый фонарь, укрепленный на двуколке. Они прикатили сюда по рельсам, на сменных колесах. Дрезину им не выделили — ее было не перетащить через завалы на старых рельсах.

— Ответ, достойный дознавателя.

— Какой вопрос, такой и... — Дознаватель подошел к наказателю и встал рядом. Редкие капли падали со свода на широкие поля шляп. Оставленная в одиночестве лошадка протестующее фыркнула в суровые спины. — Тем более, я привык спрашивать, а не отвечать.

— Разворачиваться вручную будем, круг, видно, засыпало, — сказал наказатель, подбросив носком сапога горсть листьев. Горький запах, запах одиночества

и былых устремлений, не приведших ни к чему, поплыл по тоннелю. Прыгнула в неразличимую лужу невидимая лягушка, и что-то вроде флейты пропело наверху, в давным-давно выгоревшем предместье.

Они вернулись к лошади по имени Пятерка, выпрягли ее и долго искали, к чему привязать. В итоге привязали к особо мощному корню у стены, потревожив рой белых, как привидения, светлячков.

Подхватили увесистую двуколку и, кряхтя, вдвоем развернули ее. Дознаватель не выделялся ни ростом, ни сложением, зато наказатель мог похвастать, по крайней мере, первым, он был едва ли не в полтора раза выше своего товарища — настолько, насколько и старше.

Беспокойно косящую Пятерку впрягли снова.

— Хоть бы не уехала... — пробормотал дознаватель, возясь с тормозом двуколки и поглядывая назад, на чуть видные, непостоянные пятна окрашенного света. Туман наверху опускался, и тем ярче озарялся невидимый отсюда выход на поверхность. Стали видны белеющие кости у основания лестницы. По ним что-то перемещалось. — А то и тормоз потащит...

Двуколка утвердилась на рельсах, лошадь получила нагретое яблоко из кармана плаща и хрустела им в темноте. Наказатель пригасил фонарь почти до минимума. Тени сгустились под ногами, словно сапоги приехавших попирали само ничто. И тотчас ярче стал заметен тот, верхний, свет, свечение осклизующих корней, белый танец светляков. Даже запахи темноты и влаги, казалось, сразу стали сильнее. И звуки слышнее. А тишина между ними — глубже.

Наказатель протер запотевшие линзы в стынущей стальной оправе, но виднее не стало.

Халле прихватил из двуколки маленькую клетку со спящим голубем. Другой связи с городом тут не было, и птицу надлежало тащить с собой. Дознаватель, хоть и немного телепат, как все они, на таком расстоянии был бессилен — от жилых окраин Андерензера их теперь отделяло не меньше пяти миль.

У лестницы они спугнули крысу, объедающую тлен с крупных костей; та канула в темноту, оставив слизней трудиться в одиночестве.

Помедлили.

— Готов, дознаватель Халле?

Тот чуть нервно усмехнулся, глянул на долговязого напарника снизу:

— Готов, наказатель Кокранц. Хотя я бы предпочел пару таблеток. Совы, например, если бы такие существовали. Или любой из проклятых знаменитостей, если она в темноте видит лучше, чем я.

— Никаких таблеток в мою смену, дознаватель. Ты же знаешь.

— И сам не жалею. Обойдемся. По крайней мере пока не появятся подходящие. — Халле знал нелюбовь Кокранца к экстрактам чужих умений, но не разделял ее. — В конце концов, почему бы не надеть таблеток пса? Принял одну — и порядок, отлично слышишь и обоняешь все вокруг. Самое то для сыскных. Почему выпускают только человеческие? На кой мне полчаса умения петь, как Адам Турла, если я готов заплатить за час ночного зрения или острого слуха?

— Таблеток не использовал, не буду, другим не советую, а на месте Шеффилда и запретил бы. Но где сейчас Шеффилд... — Кокранц глянул вверх по лестнице. — Ладно, пошли.

Халле кивнул, расстегнул нижнюю пуговицу пиджака, чтобы удобнее было добираться до ножа.

У Коркранца давно была расстегнута и пуговица, и кобура — наказатель имел право на револьвер.

Они поднялись быстро, цокая рифлеными набивками сапог по расшатанным, осклизлым ступеням.

После темноты подземелья наверху показалось совсем светло. Осень только перевалила за середину, а вот ночь до своей еще не добралась. Туман лежал тонким слоем, затекая в провал спуска. Вдруг вслед им долетело тихое, потерянное ржание Пятетки, нереальное, как привет из другого мира.

Деревья вокруг были невысоки, ни одно из них не выросло ровным, словно в молодости они не могли решить, куда им все-таки расти — вверх, как все, или лучше в сторону, а может, вообще вниз. Разломы в стволах, щели коры, впадины узловатых переплетенных веток светились голубым и розовым, ярким, как ярмарочные огни. Свет помигивал вразнобой. На одной из ветвей, прицепившись ногами, вниз головой спала птица.

— Карамель какая-то, — сказал Халле. — Никогда я не любил эти привозные деревья.

— Ну это не совсем те, что я помню, — ответил Коркранц. — Они, конечно, и до пожара выглядели экзотично, но то, что сейчас тут растет, вряд ли уже можно классифицировать. Значит, правду говорят — год от года они все ярче.

Лязгающий голос наказателя, такой знакомый собеседнику и такой внушительный под белыми сводами кабинетов и среди высоких стен кварталов-колодцев, тут тонул, словно звук кузнечных клещей, которые зачем-то обмотали ветошью.

— Пойдем, — сказал наказатель, делая шаг вперед. Халле кивнул и последовал за ним, стараясь не оглядываться.

Здесь когда-то был парк. Обезглавленные чугунные остовы фонарей напоминали об этом; в одном месте сапог Коркранца ступил на гулкое железо — люк коммуникаций, и наказатель пообещал себе получше посмотреть под ноги.

Вдали, за рядами деревьев, виднелись иногда скелеты скамеек. Один раз в сумеречной аллее им привиделось, что на скамейке сидит некто большой, в пальто и мятом цилиндре.

Коркранц подумал, что ему показалось, — резко повернув голову, он ничего не увидел; но Халле сказал, что ему в таком случае показалось то же самое.

Они поспешили пройти это место.

— Ну и где нам тут кого искать? Сюда бы взвод, — Халле не выдержал в тишине и пары минут.

— Мы за него, — сказал Коркранц, и дознаватель уловил в его голосе намек на раздражение. И в мыслях тоже.

— Понимаю. Просто это работа для более серьезной группы.

— Работа наша.

— Рад стараться. Но... — Халле обвел мерцающую чашу, полную тихих звуков, раскрытой ладонью в тонкой перчатке, — кому здесь я могу задать вопросы? Вот той тени? — Он указал в сторону, где между деревьями мелькнуло что-то двуногое, низкорослое, больше всего похожее на заднюю половину собаки.

— Вот и спросим у брюхи Веласки.

— К брюхе, — Халле весь передернулся, — Веласке заехать бы днем.

— Днем она спит, сам знаешь, слишком стара она при дневном свете показываться.

Халле рассеянно кивнул. Веласка родилась в год без лета, в день без света, а все, кто тогда родился, под солнцем долго находиться не могли.

— Откажется она говорить.

— Не откажется.

Дознаватель вздохнул. Коркранц понимал, что в случае с Велаской телепатия ему вряд ли поможет — старая карга была хитра, изворотлива и немало смыслила в колдовстве.

— А ты помнишь, как фабрика взорвалась? — спросил Халле.— Как все это,— дознаватель обвел рукой мрачную и одновременно яркую панораму,— горело?

О да, Коркранц помнил. Он был тогда ребенком, но взрыв алхимической фабрики и тот цветной пожар, больше суток бушевавший у горизонта, был одним из ярчайших его воспоминаний. Позже нечто подобное он видел лишь раз, когда наблюдал полярное сияние с борта здорового виндjam-мера, где служил в юности. Но то была мирная небесная сила; горящая же дикая смесь химикалий и магии ужасала, хоть и захватывала. Предмесье Ан-дренезера, куда только-только проложили ветку подземки, перестало существовать. Целый комбинат, снабжавший всем необходимым добрую половину алхимиков государства, просто испарился вместе с окрестными кварталами.

Огонь тогда плавил даже гранит. Позже из-за отравленного воздуха, воды и земли здесь никто уже не стал строиться. Да и в память о жертвах тоже — пепел десятков людей лежал на этом месте, как тень, намертво въевшись в каждый камень.

С тех пор минуло полсотни лет. Торфяники и до сих пор продолжали тлеть, а гарь зарастала всяким странным быльем, да и существа завелись немного не те, что в обычном лесу.

— Да,— ответил Коркранц.— И буду помнить до конца жизни. Странно, что на этом месте вообще

что-то выросло, я думал, земля прокалилась до самой преисподней.

Коркранц приподнял воротник. Ему было здесь не по себе, хотя он всегда считал, что тьма — лишь отсутствие света. И все же... видимо, он был слишком урбанистом. И всю жизнь после увольнения с флота старался скорее поглубже забраться в город, нежели выбраться из него. И темнота загородная, темнота залитых туманом лугов, непроглядных лесов, старого пепелища казалась ему какой-то другой. Исполненной чего-то древнего, злого. Только тронь, и проснетя. И это пугало его.

А еще лось.

В последнее время много стало слухов про зверье, ведущее себя не по-звериному. Рассказывали, конечно, про енотов, научившихся пользоваться ключами, про медведицу, одетую в женское платье, чуть ли не про кота в сапогах, но самыми жуткими — с точки зрения Коркранца — были истории про лося.

Якобы на окраинах, в кленовых лесополосах, за ржавеющими трамвайными путями, по которым давно уже прошел их последний трамвай, стали встречать некоего странного лося. Коркранц хмурился, а в его памяти сами собой всплывали строчки протоколов дознания.

Кора Джей, двадцать восемь лет, торговка-цветочница. Встретилась с животным в парке. Испугавшись, с целью задобрить животное, ласково окликнула его дважды. Животное с цинизмом передразнило очевидицу, также дважды. Кроме того, она утверждает, что лось ухмылялся, видя ее испуг.

Иллемарья Уишборт, сорок лет, дипломат Посольской управы. Просила точно процитировать в протоколе ее показания: «Лось заступил мне доро-

гу и смотрел прямо в душу». Госпитализирована с нервным расстройством.

Джебедаия Даггон, шестьдесят лет, пенсионер. Зверь, по словам очевидца, жестом «велел ему проваливать», сопроводив указание звуками, в тоне которых явственно слышалась брань. Очевидец трезвенник, отставной государственный купец торгового флота, уважаемый человек.

И это не говоря о слухах и отрывочных показаниях задержанных деклассированных. В их среде вообще творилось бог знает что.

Коркранц не стал углубляться в раздумья и постарался сосредоточиться на дороге.

Аллеи потеряли строй и рассыпались отдельными деревьями; светящиеся мятно-зеленые грибы с сильным запахом аммиака росли то тут, то там; улитки на деревьях тоже светились. Казалось, лесная жизнь вобрала в себя тот давний огонь, пропиталась им.

Они миновали черный, гладкий пруд — Халле был почти уверен, что жидкость в нем горюча, как нефть, — и оплывшее, перекошенное здание вокзала за ним. Потекший и вновь застывший камень сталактитами свисал в арках порталов, колонны изогнулись, как пьяные; статуи у входа растрескались, и казались скульптурами чудовищ. Яркие-зеленые блуждающие огни бродили в глупине.

Потом потянулось пепелище с оплавленными какими-то столбами, по левую же руку стоял лес, теперь темный и угловатый, и только иногда мелькали в нем белые и голубые огни, щелкали невидимые насекомые, да сонно, тяжело, словно ей снился кошмар, стонала птица. Или не птица.

Коркранц надеялся, что Халле не станет читать его мысли и вообще не почувствует того, что он ощущал. Это что-то походило на страх. Но наказатель Коркранц давно не испытывал страха и теперь крутил, мял это чувство, пытаясь уложить его на воображаемую полку в сознании поаккуратней, чтоб не мешалось.

Халле же сейчас думал явно о чем-то своем. Он с опаской смотрел на широкий, кривой серп луны с иззубренным лезвием. Она недавно взошла и висела над лесом, совсем объемная и близкая, — казалось, протяни руку, щелкни по ней пальцем — и зазвенит. Цветом она была как металл.

— Под такой луной, — сказал Халле, — ловил я Джок. Он всегда начинал беспокоиться такими ночами и хвататься за все острое, что мог найти. Ей-богу, от бритвы до косы.

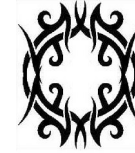
Коркранц кивнул. Каждый сыскной знал эту историю. Джок Дружок, бич Андренезера. Второй серийный убийца за историю города. Халле был главным дознавателем по его делу и однажды даже встречался с ним лицом к лицу. Только случайно на память о той встрече у него не осталось шрамов.

— Вот как раз в ноябре у него на чердаке и поселилась стая кукушек, он стал носить по две шляпы и разрисовал себе руки всякой жутью. Я почти настиг его тогда — или он меня.

— Тебе повезло. — Коркранцу не нужно было уметь читать мысли, чтобы понять: Халле боится повстречать своего противника здесь. Оттого и речь завел.

В ночи старого пожарища Джок становился для дознавателя таким же олицетворением страха, как для самого Коркранца лось. А шансы на встречу

Александр Подольский И ПРИШЕЛ ДРАКОН

У старика Тинджола не было друзей, потому что он недолюбливал живых. Живые шумели, ругались, называли его сумасшедшим, но все равно привозили своих мертвецов. А уж с ними Тинджол всегда находил общий язык.

У старика Тинджола не было родственников, потому что все давно умерли. Еще до того, как он познал истинную цель джатора. До того, как природа обратилась против людей. До того, как появился дракон.

У старика Тинджола не было никого, кроме птиц. Все они любили Тинджола, ведь тот долгие годы кормил их мертвецами, тогда как остальные сбрасывали тела в прозрачные воды Брахмапутры на радость речным духам. С древних времен жители окрестных деревень верили, что поселившиеся у погребальных мест птицы – призраки, которые караулят души умерших. Рассказывали, что они чувствуют смерть и заводят свои песни, когда та рядом. Рассказывали, что они могут ухватить душу, едва та покинет тело. Рассказывали, что они могут унести ее прямо в ад.

Хижина Тинджола стояла на безымянном плато вдали от городов. Здесь чахлая растительность

трепал холодный ветер, а голубое небо казалось еще одним притоком Ганга. Здесь границы Тибета сторожили величественные горы, уходящие заснеженными вершинами прямо в облака. Тут костер из можжевельных веток разгонял запах тлена, а серый дым путался в тряпицах моленных флажков. На этой высоте некоторым было тяжело дышать, но именно здесь и жил последний рогьяпа.

Тинджол лежал в расщелине у дороги и слушал землю. Раньше он улавливал только обычное ворчание гор, треск колес или шаги путников. Но теперь все изменилось. Далеко-далеко, в подземельях большого города что-то проснулось. Пробудилось и двинулось в страну высокогорья. Тинджол слышал, как оно роет ход, как ползет сквозь камни и песок, как удаляется от пещерной тьмы, что породила чудовище. Это был дракон.

А еще Тинджол услышал Ринпуна. Вскоре его повозка показалась на холме. Лошадь нервничала, и Ринпун бил ее хлыстом.

— Приветствую тебя, брат Тинджол!

— Здравствуй, брат Ринпун.

В повозке лежал труп молодой женщины в белых одеждах. Ее руки и ноги были перевязаны бечевкой.

— Какое горе, брат Тинджол! Сердце прекрасной Лхаце не выдержало потери второго ребенка. Что-то ужасное происходит у нас, брат Тинджол. Это уже пятый ребенок за месяц. Горе, страшное горе для всех нас.

Ринпун был сухим стариком, седые космы и борода которого всегда шевелились на ветру, будто щупальца осьминога. Узкие щели глаз его сливались с морщинами на лице, превращая старца в

слепца. Ринпун стащил тело с повозки и положил на траву. По земле поплыли ширококрылые тени грифов.

— Это мог сделать дракон, брат Ринпун. Я же говорил.

Ринпун усмехнулся.

— Какой дракон? Брат Тинджол, ты совсем обезумел. Ты хоть понимаешь, в каком мире живешь?

Тинджол знал, что по всей земле изменились растения. Виной тому были страшные войны, что гремели на каждом материке и отравляли царство природы. У растений проснулся разум, и они стали защищаться. И поэтому Тинджолу нравилось жить здесь, где мир казался таким же, как и несколько веков назад. Где люди не умели читать и писать, где не знали, как управляться с механизмами, где все еще верили в важность ритуала небесного погребения. На высокогорье, где не выжить ни единому деревцу.

— Дракон идет сюда,— сказал Тинджол.— Я слышу его, я чувствую. И он скоро будет здесь.

Ринпун покачал головой, поглаживая лошадь, которой не было покоя в этом месте.

— Брат Тинджол... Я смотрю на твои мускулистые руки и вижу в них великую силу. Я смотрю в твои глаза и вижу там великую мудрость. Но я смотрю на твою лысую голову, слышу твои слова и больше не вижу монаха. Я вижу безумца.

— Я говорю правду,— сказал Тинджол.— Дракон идет сюда. И только я знаю, как его остановить.

Давным-давно, когда стали пропадать первые дети, кто-то обнаружил ходы. Первая пещера вела во вторую, вторая — в третью, пещеры превращались в туннели, а туннели уходили все ниже и ниже. Их

стены покрывали невиданные растения, которые шевелились даже в отсутствие ветра. А во тьме этих подземелий передвигалась огромная фигура. Тогда двадцать три мужчины спустились в катакомбы, а вернулся лишь Тинджол. Он замолчал на долгие десять лет и уехал от людей в высокогорный монастырь Тибета. С тех пор под миром росла система туннелей, а жители больших городов слышали по ночам страшный вой. Но дети перестали пропадать, ведь чудовище из тьмы было накормлено. На какое-то время. А Тинджол... Он сказал, что видел настоящего дракона, и дракон дотронулся до него. Дракон из самых темных недр земли оставил на Тинджоле отпечаток.

— Слишком много бед, брат Тинджол. А еще эти дьявольские птицы... У нас были люди из города. Они приезжали на большой машине, похожей на бочонок с бобами. Очень странные люди. У них были какие-то склянки... Они рассказывали о страшной болезни, брали нашу кровь. Проверяли ее. Говорили, что растения выбрасывают семена, и те плывут по воздуху. Плывут, а потом опускаются на людей, попадают в нос или уши и пускают корни внутри. Двух наших мужчин забрали в город, потому что внутри нашли ростки.

— Прекрати, брат Ринпун. Мне это неинтересно. Езжай обратно, а я буду делать свою работу. Иначе твоя лошадь сойдет с ума.

Ринпун выгрузил свертки с едой и погнал лошадь назад в деревню. Когда повозка достигла холма, в развалинах монастыря у дороги шевельнулась черная точка. Тинджол давно заметил маленького воришку. Тот приходил ночью и брал немного еды, а иногда прятался за камнями и наблюдал за ритуа-

лом. Мальчишка жил среди порушенных стен и разбитых фигурок Будды уже пять дней. Еды Тинджолу хватало, а другой платы за свою работу он не брал, так что и воровать было нечего. Поэтому к появлению чужака он отнесся спокойно.

Тинджол отволоч тело Лхаце на огороженный камнями луг с пожелтевшей травой и уложил его у столбика с одним флажком. Присел рядом и стал читать мантры из Тибетской книги мертвых. Раньше этим занимались ламы, но, после того как началась великая война, после того как природа сошла с ума, джатор оказался в списке табу. Небесное погребение стало историей, как целые страны и культуры. Теперь Тинджол сам отпевал души и сам же разделял трупы для подаяния птицам.

Оставшиеся приверженцами религии бон верили, что тело должно служить добру и после смерти. Приносить пользу. Загрязнять землю или священные воды гниющей плотью — не богоугодное дело. Эту проблему веками решал джатор.

Спустя час Тинджол слышал шаги за спиной. Чужак больше не таился. Он сел между стариком и мертвецом и, затаив дыхание, наблюдал за обрядом. Тинджол никак не реагировал, прочитывая мантру за мантрой, готовя душу покойной к перерождению, пронося ее через сорок девять уровней Бардо. Оставляя смерть позади.

Во время отпевания, которое длилось целые сутки, Тинджол обменивался взглядами с чужаком. Тот был юн и напуган, из его боков выпирали кости, а одеждами ему служили грязные лохмотья. Он читал по губам и прилежно повторял все мантры. И он выдержал несколько часов молитвы подряд, пока Тинджол жестами не отправил его отдохнуть.

Литературно-художественное издание

16+

ТЕМНЫЕ

Сборник рассказов

Составитель Парфенов М. С.

Ведущий редактор *И. Епифанова*
Художественный редактор *Ю. Межова*
Технический редактор *В. Беляева*
Компьютерная верстка *О. Савельевой*
Корректор *В. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар,
д. 21, строение 3, комната 5

Мое время — ночь. Мой праздник — Хеллоуин. Имя мне — легион.

Ведьмы, бесы, оборотни, упыри, зомби, тролли, привидения, домовые и прочая нечисть — все в сборе! Армия Тьмы собралась отпраздновать Хеллоуин как следует... на страницах книги, которая так и называется — «Хеллоуин».

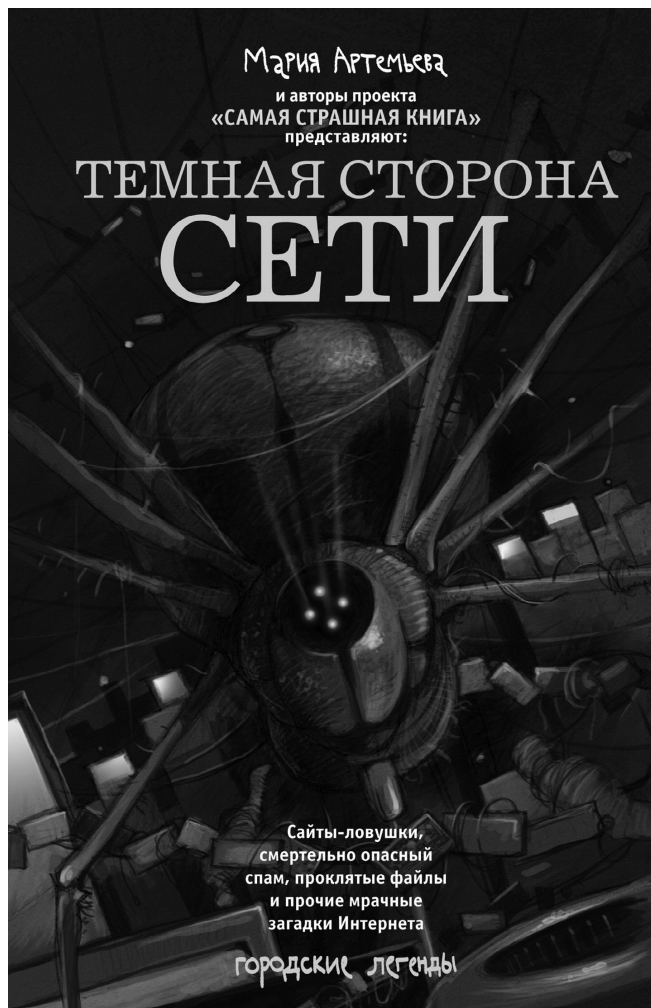
Будет весело и грустно, захватывающе и мрачно. Будет страшно.

Это лучший подарок для всех любителей мистики и ужасов!

Это коллекция волнующих историй о потустороннем, собранная Парфеновым М. С., создателем антологий-бестселлеров «Самая страшная книга 2015», «13 маньяков» и других.

Это не просто книга. Это — праздник!

Самый страшный праздник года — ХЕЛЛОУИН...

Перед вами сборник рассказов в жанре хоррора и мистики о страшных тайнах Интернета, мрачных загадках социальных сетей и цифровом мире...

Вы уверены, что никакое сверхъестественное зло не скрывается в строчках программного кода ваших любимых форумов и сайтов, в файлах, присланных вам по e-mail? Но демоны виртуального мира убивают по-настоящему. И, может быть, они даже способны привести к краху современное человечество...